

«ЭКФРАСИС» ХРИСТОДОРА КОПТСКОГО*

Н.Н. БОЛГОВ, М.М. СИНИЦА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В данной работе представлен первый полный русский перевод ранневизантийской поэмы Христорора Коптского (начало VI в.) «Описание (Экфрасис) статуй в общественном гимнасии Зевксиппа», включенной в Палатинскую (Греческую) антологию в качестве ее II книги. Произведение является важным источником по истории ранневизантийского культурного синтеза, адаптации античного изобразительного искусства в христианской столице.

Ключевые слова: Христорор, Константинополь, поэма, статуи, континуитет.

Ранневизантийский культурный синтез, адаптация христианством античного наследия и континуитет – одни из наиболее важных проблем мирового антиковедения. Однако, взгляд византийцев на собственно античные памятники, органично вписавшиеся в топографию Константинополя, еще не изучен¹. Источником такого рода может служить «Описание статуй в общественном гимнасии Зевксиппа» Христорора Коптского, писавшего в царствование императора Анастасия (491-518). Его эпические поэмы (в т.ч. одна на христианский сюжет) утеряны. В «Палатинскую антологию» включен занимающий всю II книгу экфрасис, описывающий в 408 гекзаметрах 80 статуй богов, героев и исторических персонажей.

Комплекс терм и гимнасия Зевксиппа был построен Септимием Севером в Византии в начале III в.

По Гесихию Милетскому, это название возникло потому, что они были расположены возле храма со статуей конного Зевса.

Иоанн Малала (XII, 20) указывает, что ранее на агоре Византия находился памятник Богу Зевксиппу (фракийская ипостась Солнца). Построенные на агоре бани Севера (памятник был заменен статуей Аполлона на акрополе), поэтому и стали называться «Зевксипп».

Иоанн Лид (De mag. III, 70) относит название «Зевксипп» лишь к агоре древнего Византия, отмечая, что она получила свое название от царя Зевксиппа, при котором будто бы мегарейцы переселились в Византий.

Бани и гимнасий являлись своего рода музеем редких произведений искусства. Их и описал Христорор, поэт из египетского города Коптос, в начале VI в., во времена императора Анастасия².

Бани поражали роскошью архитектуры и искусства. Их статуи были взяты из разных мест ойкумены – Греции, Малой Азии, Рима. Бани следовали тенденциям в архитектуре своего времени; таким местам и памятникам, как Дворец Сената на Форуме, Дворец Лавса, которые были украшены статуями мифологических героев и не только, исторических деятелей, правителей, становясь частью более новых форм изящной архитектуры.

Через вход многочисленные представители гражданской публики проникали в комплекс бань. Большой зал использовался, прежде всего, для общественных купаний, кто-то мог заниматься атлетикой в сочетании с активным отдыхом. Служащие комплекса брали оплату в зависимости от того, чем занимался посетитель, и от того, сколько часов он пробыл в помещении.

Популярность бань Зевксиппа среди граждан столицы была огромной, они в большом количестве занимали все помещения бань так, что иногда там проводились общественные акции граждан столицы. Кроме того, там происходило огромное количество уве-

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2012 г.

¹ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990.

² Величко А.М. История византийских императоров. Т. 1. М., 2009. С. 585-621.

селительных дел, благодаря открытым на этих площадях коммерческим лавкам и проектам. Даже представители церкви и монахи могли быть замечены здесь. Тут бедные люди могли проявить внимание к своим покровителям. Таким образом, бани были местом как частной, так и общественной жизни, далеко не всегда благочестивой.

Леонтий Византийский сообщает, что бани находились рядом с Ипподромом, но не были непосредственно соединены с ним, так как были закрыты для выхода туда³.

Жанр экфрасиса пользовался большим распространением в ранневизантийской поэзии (Агафий «На изображение архангела Михаила»; Павел Силенциарий «Освящение купола храма св. Софии»). «Описания» Христорора вполне сходны с текстами Филостратов и Каллистрата, но даны в стихах.

В принципе единая поэма распадается на определенное количество коротких эпиграмм, которые фокусируют внимание на одной или на небольшой группе статуй в банях, представляющих совокупность форм одного рода.

Нами был проанализирован количественный и персональный состав текста экфрасиса. Он дает определенное представление о массовых вкусах жителей провинциального Византия – города эпохи Северов. Вместе с тем, их описание на рубеже V-VI вв. говорит об определенной актуальности и популярности их фигур в ранневизантийской столице.

Среди «героев» экфрасиса 38 статуй относятся к богам (9) и мифологическим персонажам (29), преимущественно Троянского цикла (из них по 3 статуи посвящены Аполлону и Афродите). 9 статуй посвящено различным жрецам, 1 – безымянному атлету. Остальные 42 изображают реальных исторических персонажей: это историки – 3 (Фукидид, Геродот, Ксенофонт), ораторы – 3 (Эсхин, Демосфен, Исократ), философы – 6 (Платон, Аристотель, Пифагор, Анаксимен, Демокрит, Гераклит), поэты – 13 (Гомер – 2, Гесиод, Сапфо, Терпандр, Стесихор, Пиндар, Симонид, Еврипид, Кратин, Эринна, Менандр, Вергилий), писатели – 1 (Апулей). Государственных деятелей – 6 (Перикл, Алкивиад и Харидем из Афин, Пирр, Цезарь и Помпей). Римлян – всего 5 (Эней, Цезарь, Помпей, Вергилий, Апулей), остальные 75 греки. 13 статуй – женские, 67 – мужские.

Таким образом, в Константинополе начала VI в. нашли свое место в «массовой культуре» многие персонажи классической мифологии и истории. Показателен огромный перевес греков, что вносит некоторые коррективы в репрезентацию Константинополя как Нового Рима и христианской столицы⁴: данный памятник наследует скорее традиции классической Эллады⁵.

Далее предлагается полный перевод поэмы Христорора. Часть эпиграмм была переведена и опубликована ранее С.С. Аверинцевым⁶ (20 из 80-ти). Остальные эпиграммы (60) переведены М.М. Синицей под редакцией Н.Н. Болгова. Таким образом, русский читатель впервые знакомится полностью с важным источником по позднеантичной и ранневизантийской культуре и искусству.

ОПИСАНИЕ ИЗВЯНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ ГИМНАСИИ, КОТОРЫЙ ИМЕНУЕТСЯ ЗЕВКСИПОВЫМ

1. Деифоб⁷

Первым стоял Деифоб, на алтарь стопы опирая,
В медных доспехах, отвагой кипя, дерзновенный воитель!
Так он в троянскую ночь у дверей пылавшего дома
Некогда встал, Менелаю оружием вход заградивши.
В точности был он подобен идущему; верно художник
Сгорбленный злостью хребет изваять сумел под доспехом, -

³ Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н. Античные памятники Константинополя. Белгород, 2011. С. 70. См. также: Janin R. Constantinople Byzantine. Paris, 1964.

⁴ Подробнее см.: Иваницкая Я.Ю. Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2011; Harris J. Constantinople: Capital of Byzantium. Hambledon, 2007.

⁵ Lee A.D. Pagans and Christians in Late Antiquity. L.-N.Y., 2000; Geffcken J. The last days of Greco-Roman Paganism. Amsterdam, 1978.

⁶ Памятники византийской литературы IV – IX веков. М., 1968. С. 138-141.

⁷ Пер. С.С. Аверинцева.

Ярое бешенство боя! Глаза исподлобья взирали,
Будто следили с опаской движенья врагов подступавших;
Щит округленный он шуйцей вперед выставлял, а десницей
Меч высоко воздымал, и рвалась рука изваянья
Плоть врага растерзать, беспощадным железом пронзая, –
Если бы только природа движенье дозволила меди!

2. Эсхин⁸

Был там и муж Кекропид, громоблещущей речи искусством
Дивный Эсхин. Округленные щеки под мягкой брадою
В складки стянулись, как будто стоял он на площади шумной,
Яростным спором волнуем, вития!

3. Аристотель⁹

Поодаль виднелся

Сам Аристотель, премудрости вождь. Покоясь, стоял он,
Руки перстами сплетя; однако, и в меди безмолвной
Мысль не утихла его, но, мнилось, в труде неустанном
Вечным раздумьем была занята. Ланиты втянулись,
Время усилий ума многодумного взору являя,
А пронизательный взор обличал высокую мудрость.

4. Демосфен¹⁰

Звонкоголосый меж ними вития блистал Пеанийский,
Мудрый родитель речей громкозвучных, во граде афинян
Некогда пламень возжегший властительного Убежденья.
Не был облик спокойным: чело омрачала забота,
В сердце разумном глубокие думы чредой обращались,
Словно сбирал он в уме грозу на главы эматийцев.
Скоро, скоро от уст понесутся гневные речи
И зазвучит бездыханная медь!.. Но нет, – нерушимо
Строгой печатью немые уста сомкнуло искусство.

5. Еврипид

Статую я Еврипида носящую имя увидел,
тайно под сердцем Трагедии Музам служа, он размыслил
Скромность воспеть: потому созерцаемы были творенья,
если когда на аттической сцене тирс колебался.

6. Палефат

Лавром кудрявые волосы ведь Палефат отличил прорицатель
увенчав, кажется же проливающим глас прорицанья.

7. Гесиод, 8. Полиид, 9. Симонид

С горными Музами, мне, Гесиод же Аскрийский, казалось
общался, медью же вынужден к Вакха неистовству был он,
Вывести песню стремился – богов вдохновенье. А рядом
с ним прорицатель другой снова фебовым лавром
ты, Полиид, украшался: из уст колебаемых был ты
воли богов прорицать шум готов уж: однако искусство
связкой безмолвной сдержало тебя. Даже ты, Симонид,
также не смог усыпить любви к пению нежной,
лиры священной струну еще жаждешь ударить руками.

⁸ Пер. С.С. Аверинцева.

⁹ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁰ Пер. С.С. Аверинцева.

Тот, кто ваял тебя, с медью помог, Симонид,
песню приятную соединить: почитая тебя же, пожалуй,
пеньем безмолвная медь ритмам откликнется лиры.

10. Анаксимен¹¹

Анаксимен многоумный стоял между них, обращая
В духе своем многосложный узор божественной мысли.

11. Калхант¹²

Зрелся меж них и Калхант Фесторид, премудрый провидец:
Мнилось, грядущее было пред зраком его, но молчал он,
Тайной предведенья кроя, – скорбя ли по рати ахейской,
Или страшась за царя многозлатной, великой Микены.

12. Пирр

Смотришь на львенка – градов истребителя из Эакидов,
Пирр сын Ахилла, как в руки схватить он стремится оружие
медное, в спутники что он не смог получить от искусства –
нагого ведь его сделали: чудится, с выси взирает,
как бы к ветрам Илиону открытому взор направляя.

13. Амимона, 14. Посейдон

Розоперстную вижу Амимону, что на пьедестале восседает,
Кудри связав позади, власа скрепив на макушке,
лоб открытым держа, свой взор вверх бросает
статуя, с черными видя морского супруга власами.
Близ явлен он сам – широкогрудый, темнокудрый бог:
весь нагой, и волосы струятся, с головы спадая,
влажного дельфина держит пред собою он рукою,
деве он дары везет любимой, что, женясь, сосватал.

15. Сапфо¹³

Звонкоголосая Сапфо, пчела Пиерид, восседала,
Тихо покоясь, но в сердце слагала лесбийская дева
Сладкозвучную песнь, и музы ей ум обуяли.

16. Аполлон

Феб стоял, с треножника рекущий: и венец свободный
сзади связан был длинных волос; но в меди
нагим сделан был, потому ль как всем, кто к богу
вопросал, Аполлон обнажал замысел Мойр правдивый,
иль потому, что всем он подобно являлся: солнца был ведь
Феб владыка, чистый же нес далековидимый свет.

17. Афродита¹⁴

Подле Киприда виднелась, и дивно по блещущей меди
Сладкая нега была разлита. Обнажились перси,
Но округленные бедра скрывались под ризой просторной,
И на главе золотая повязка кудри стянула.

¹¹ Пер. С.С. Аверинцева.

¹² Пер. С.С. Аверинцева.

¹³ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁴ Пер. С.С. Аверинцева.

18. Алкивиад¹⁵

Зрел я меж них Клиниада: сей муж среди всех выдавался
Прелестью дивной; пленительный блеск озарял изваянье.
Был он таков, как в прославленном граде аттическом древле
Мудрости дивной советы творил средь мужей кекропийских.

19. Хрис¹⁶

Хрис недалече стоял, Аполлонов служитель, десницей
Скиптр держа золотой, на главе же почтенной имея
Светлый Фебов венец: выдавался он ростом огромным,
Древнему роду мужей присущим. Просителем, мнится,
Он пред Атридом стоял. Глубоко брада опустилась,
А по плечам разлилось несплетенных кудрей изобилье.

20. Юлий Цезарь¹⁷

Юлий Кесарь блистал поодаль, что некогда дивным
Множеством вражбх щитов украсил Рим велелепно.
Он подымал на плечах убор грозноокой эгиды,
В крепкой же длани Перун потрясал, веселясь несказанно,
«Зевсом вторым» нареченный устами племен авсонийских.

21. Платон

Стоял Платон богоподобный, Афинам прежде показавший
дороги тайные божественно творимых добродетелей.

22. Афродита

В месте другом благородного дочь, Афродита золотая,
вижу, нагая блистает: на грудь же богини, извившись,
вышитый пояс ее от шеи высокой спадает.

23. Гермафродит¹⁸

Был там и Гермафродит изящный обличьем, – ни мужа
Вид, ни жены, но двойкий. Его от Гермеса родила
(знаешь и сам ты, пожалуй) Киприда о персях прекрасных.
Словно у девы, набухшие груди круглились четою,
Но в остальном он подобрался облику мужеской плоти,
Той и другой красоты обоюдную прелесть являя.

24. Эринна

Девой Эринна посажена, звонкоголосая дева,
нить не ошупывает, что запуталась сложно, но молча
шлет Пиерийской пчелы капли меда.

25. Терпандр

Не оставь благозвучного Терпандра, кого объявил бы
ты тотчас дышащим, не статую видя немую:
движимый сердцем он песнь сочинил для мистерий,
и мню, как когда-то в Эвроты потоках воронки,
пением лиры священной вмиг усмирил преступленья
соседей воюющих, живших в Амиклах.

¹⁵ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁶ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁷ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁸ Пер. С.С. Аверинцева.

26. Перикл, 27. Пифагор

Дивлюсь же узревший тебя я, Перикл, что и этому в меди немому оратору нрав прикрепляешь, как будто еще Кекропидов, граждан Афин рассуждаешь законно, иль битву готовишь Пелопонесских сражений. Рядом поставлен, блистал Пифагор, самосский мудрец, но он на Олимпе сиял бы, я мыслю, природой однако же вынужден меди мысли потоков заботам: как ведь считаю чистое небо измерит лишь только глазами.

28. Стесихор

Стесихора заметил я звонкоголосого, некогда Геей Сицилийской вскормленного, Аполлон же гармонии лиры научил, еще в матери чреве когда он являлся: ведь рожденну и к свету пришедшему только созданыю на уста соловей тайно где-то во мраке блуждавший сел и бросает вверх звучную песню.

29. Демокрит

Привет от меня, Демокрит, земли слава Абдерской был ты прекраснейших свойств распознавшим законы природы, тонкое ведь разобрал многознающей таинство Музы; всегда же смеялся образа жизни неверным дорогам, видя прекрасно, что старое все постоянно минует.

30. Геракл, 31. Авга, 32. Эней

Геракл же без первых волос на браде был показан, яблоки в льва убивавшей ладони златые несущий, Ливийской земли дар счастливый. Вблизи же его жрица Паллады поставлена рядом, девою Авга, покров закинув на плечи: не помогала власам ведь повязка с главы; была ты с поднятыми кверху руками, и так призывала ты дочь светлоокою Зевса Афины Аркадской Тегей холмов у подножья. Ты ж будь благосклонен, потомок Троянской земли – щита сотрясатель, сверкая, Эней, Троянцам советы несущий: твоих же очей блеск вдохновенный вокруг милосердие льет мудрое, дивно вещая о роде златой Афродиты.

33. Креуса

Дивлюсь, созерцая Креусу, печали красую покрытой, с Энеем супружеством соединенную; с двух потому что сторон повязкой с главы своей щеки стянула обе и, одев все вокруг доходящим до ног покрывалом, и плакала так; а медные слезы невесты пророчили от копиедержца Арея кормильцу – земле Илиона аргивскими быть пораженному же щитоносцами.

34. Гелен

Нисколько не сдерживал злобу Гелен: жестоким к отчизне являлся, скорей всего движимый гневом еще; поднимал же десницей для возлияния чашу: как я полагаю, войску аргивян он благо пророчит, сосуду вскормившему последние самые беды явить бессмертных молящий.

35. Андромаха

Андромаха стоит розоногая дочь Эетиона, и вовсе не проливающая полных стонов рыданий, как ведь считаю, в битве еще не сражен шлем потрясающий Гектор, также еще щитоносных надменные сыны Ахейские Дарданцев всю землю добычей не взяли кормящую.

36. Менелай, 37. Елена

Был же заметившим я Менелая воинственного, но он в победе радостен: жаром согрет был ведь радости сильной видя близ розоворукою, бывши в согласии дочь Тиндарея – Елены дивлюсь же приятному образу, какая и в этом медном наряде казалась желанною очень: краса ведь пылкою страстью дышала и в бездыханном искусстве.

38. Одиссей, 39. Гекуба

Одиссей был прославлен, разумом крепким блистая, не в стороне ведь от замыслов многопроворных Улисс находился, но мудрой мысли красу проявляя еще; а душою громко смеялся: Трою губящий всю с радостью хитрою мыслью своей. Гектора мать, ты ж поведай, кто тебя слезы струить, претерпевшая много Гекуба, научил из бессмертных в безмолвном ваянье? Ни медь не сдержала несчастье твое, ни неживое искусство жалости к горести неисцелимой твоей не имеет; но слезы еще проливая стояла ты подле: как я наблюдаю, уж не над несчастною участью Гектора, не над терпящей тяжкое горе в скорби Андромахой, но плачешь над павшей отчизной твоей – покровом завесив, лицо накрываешь, страданья являя, доносят печаль же одежды – ведь пояс ослабив глубоко, до обуви края спадают; страданием крайним разум твой связан, сосуд же, присутствуешь в коем, слезы струит, а они же искусством гасятся, жаждущим засуху слать нецелимым мученьям.

40. Кассандра

Кассандры же мыслью оракул, однако в молчанье упреки провидица слала родителю, мудрой свершенная страстью, как и прорицала страданья последние родины.

41. Пирр, 42. Поликсена

Пирр был другой разрушитель градов: на кудрях же шлем коневласый не держит, копье не вращает, но все же он обнаженный блистает, и без брады же держа подбородок; десница ж поднятой была, как свидетель победы, и косо смотрел на тяжелые слезы из глаз Поликсены: скажи Поликсена, несчастная дева, какая нужда принудила в меди безмолвной тебя проливать потаенные слезы? повязку с главы почему же к лицу притянувши стоишь ты, как будто стыдливо, но в жертвенной скорби? потому ль что тебя кто твой град уничтожил добычей Пирр забрал Фтиец? нисколько красота не защита тебя ж, поражая стрелою намеренья Неоптолема, как та, что ловила когда-то убийством родителя Пирра ведя в тенета самим выбранной смерти нежданной! Верно клянусь, если образ разумный теперешний в меди

твой бы царь Пирр увидал, сразу б к общему ложу
быстро повел бы, отцовской судьбы бросив память!

43. Аякс Локриец

Дивлюсь я Эанту могучему духом, Оилея семя
ужасное, он же Локриды земли был защитой.
Предстал во всем юности блеске: совсем не имея
цветенья волос на браде, но лишь сверху щетинки:
нагой весь, имея сложение крепкое тела – отвагой
он был отягчен, побужденный воинственной Энио страстью!

44. Энона, 45. Парис

Гневом Энона же в сердце кипела, ведь ревности горькой
духом кипела снедаема, Париса, ее кто забывший,
зрела очами в неистовстве; тайную же посылала угрозу,
десницей имевшего тяжкую долю отвергнув супруга –
пастух же, казалось, стыдился, очей отводя взгляд блуждавший
к другому, несчастный любовник, стыдился ведь где-то
Эноны тяжелые слезы увидеть, нимфы Кебрена.

46. Дарет, 47. Энтелл

Высохшей кожи ремнем руки Дарет опоясал,
вестником боя кулачного, ярость несущим: отвагою
крайне подвижных очей веял горячий порыв.
Энтелл на Дарета враждебный же взор простирая,
вращал в руках цестус в неистовстве, члены калечащий:
жажды убийства угрозу рождал он в кулачном бою.

48. «Атлет»

Был же, искусство борьбы изучив, муж могучий:
если Филоном чудовищным слыл, или же Филаммоном,
или Милон – Сицилийской защита земли, – Аполлон это видит:
ведь не учился я их различать и не стремился
славное имя назвать дерзновенно, однако любое
мужеством веяло; борода же космами в ваянье тянулась
и страх вынуждала в борьбу допускать,
и головы трепетали власа: крепко с обеих сторон же
мышцы стянувшись вздувались напрягшись
свирепо, оба, соединяся ладонями же,
кулака крепко сжатыми были, камню подобны,
и крепкие жилы сильный хребет поднимали спины,
шею прекрасно согнув, по широкому месту взбираясь.

49. Харидем

Мной Харидем созерцался, что Кекропидова был предводитель
в Аттике войска, имея своей послушное воле.

50. Меламп

Иль созерцаешь Мелампа благого: провидца ж священный
образ являлся; казалось, божественный глас прорицатель
устаи в безмолвье с дыханьем тяжелым простерший.

51. Панфой, 52. Фимет, 53. Лампон, 54. Клигий

Панфой был Троянцам советы несущий, однако опасность
мудростью не удержал уже он от Аргивского войска.
народа старейшина замысл запутанный носит Фимет
в безмолвья пучинах укрывшись; иль ведь теснится,

взирая, какую бы мудрость еще за Троянцев замыслить.
Лампон же подобный печальному был созерцаем:
но он не имел еще в духе упадка – от смятения в битве
Троянцам страдавшим рождал исцеленье советом. А дальше
беспомощный Клитий поставлен: имел с двух сторон же
вместе сплетенные руки – вестники тайной печали.

55. Исократ

Здравствуй, ораторов свет – Исократ, ты, кто в меди
красой привлекаешь: кажешься ведь разумные мысли явившим,
хоть и безмолвным трудом тебя в меди ковало искусство.

56. Амфиарай

Поставлен же Амфиарай, имея огнем сияющий волос,
увенчанный лавра венком: тайной же колебаем печалью,
так как предвидел всем, где корова легла – Фив мужам
мужей от Аргивских назад возвращавшихся, гибели день.

57. Аглавс

Аглавс здесь стоит прорицавший, молва ж существует –
провидца родитель богами разумного он Полиида:
пышнолиственным лавром увенчанный волос блистал же.

58. Аполлон

Облик длинновласый Дальновержца бога, облик песни
повелителя, с неукротенными цветущими власами в блеске:
кудри свободно распавшись по обоим краям спадают,
вьются локоны – прорицателя очами же кружит он,
как бы искусством провидца людей от мук избавляя.

59. Аякс Теламонид

Духом могучий предстал Теламонов Эас обнаженный,
первый пушок не имея в браде; но блистая наружным
цветом отцовским – стянувший повязкою кудри:
шлем не имел ведь, оружие рукой не схвативший,
щит из семи бычьих кож на плече не держа, но отвагу
рода являл Теламонид упорством!

60. Сарпедон

Сарпедон предстоит, вождь ликийцев – силой мужскую
страшен был: младыми рожденными только власами
цвета вина край заострен бороды: на кудрях же
шлем держит; стан обнажен, но в наружности семя
Зевса означено: от очей обоих ведь сверканье
посылал как отец благородный.

61. Аполлон

И третий пышнокудрый треногорекший Аполлон был,
что в красе созерцаем: кудрявые локоны дикими ведь сбегали
с обеих сторон: приятная ж бога являлась наружность
ведущая медью красу: бог простирает же очи,
как бы прорицает с треножника пристально глядя.

62. Афродита

Изумлен я и третьей златой Афродитою снова –
лоно покровом сокрыла: возле сосков же извитый
вышитый пояс расслаблен, прелесть в себе заключая.

63. Ахилл

Сражавший копьем безбрадый блистает Ахилл богоравный,
нагой от доспехов – однако смотрел он, оружие вращая
десницей, а шуйцей щит медный поднятым державший,
с осанкой искусной: битвой грозя, дерзновенной отвагой
он изумлял – ведь истинный очи являли
норов Арея воинственного Эакида.

64. Гермес¹⁹

Был там и легкий Гермес о жезле золотом, и десницей
Он на стопе укреплял окрыленной плесницы завязки,
В путь устремиться готовясь: уже изогнул он для бега
Быструю правую ногу; слегка опершись на колено
Левой рукой, он зрак устремлял к беспредельному небу,
Словно внимал с прилежаньем родителя властному слову.

65. Апулей²⁰

Неизреченные тайны латинской музы безмолвно
В духе своем созерцал Апулей, италийской сирены
Дивный питомец, вскормленный для оргий премудрости тайной.

66. Артемида

Сестра-близнец Феба – в горах бродящая дева
стоит Артемида, однако не лук дальномечущий, и не колчан же,
вмещающий стрелы, на плечи поднят – у колен же девичий
хитон подпоясан с богатой каймой, и волос нескрепленный
венок по концам посылается вверх дуновением ветра.

67. Гомер²¹

Одушевленная медь Гомера являла, и не был
Облик ни мысли лишен, ни разума – речи единой
Недоставало ему. Чудеса явило искусство!
Подлинно бог потрудился над хитроизваянным ликом.
В сердце мысль обращая, не в силах поверить я, будто
Смертный искусник сей труд созидал, хлопоча перед горном:
Нет, – но Паллада сама, многоумная, мудрой рукою
Облик знакомый смогла повторить: ведь она обитала
Некогда в этой груди, воспевая дивные песни,
Так он стоял, мой отец, Аполлону в певцах сопредельный,
Муж богоравный, Гомер, старцу подобился видом
Дряхлым. Но в нем и самая старость сияла отрадой,
Дивно его увенчав и украсив святым благолепьем,
Важным и кротким, любовь и почтение сердцу внушавшим.
Локон седой и извитый бежал по вые склоненной,
Подле ушей ниспадал, разветвлялся в хитрых блужданиях;
Книзу свободно легли, просторно лик обрамляя,
Мягкоизвитой брады завитки, и она не сужалась
Остро, но вольно лилась, велелепным украсив убором
Персей его наготу и усладу почтенного лика.
Было открытым чело, и сиял на челе обнаженном
Ум, назиданий благих исполненный. Брови вздымались,
И не напрасно подъятыми их изваяло искусство
Зоркое: свет был отъят у четы очей сиротившей.

¹⁹ Пер. С.С. Аверинцева.

²⁰ Пер. С.С. Аверинцева.

²¹ Пер. С.С. Аверинцева.

Все же он не был подобен слепцу убогому видом:
Прелесть и в зраке померкшем жила. Не без умысла, мнится,
В нем очевидным явило художество нашему взору
Мудрости свет неугасный, в разумном сердце сиявший.
Впалыми чуть приметно содеяла старость ланиты,
В складки стянув, – но на них, украшая облик почтенный,
Строгая важность почила и милые с нею Хариты.
Подле божественных уст Пиерийские пчелы витали,
Словно вокруг сот медоносных. Меж тем, десную и шуйцу
Он от обеих сторон простирает, опираясь на посох,
Словно при жизни, и чутко склонял со вниманием ухо:
Мнилось, призыв Аполлона слышал певец издали
Или кого из сестер Пиерид. Но дух сокровенным
Был помышлением занят, и ум извлекал непрестанно
Из потаенных святилищ плоды многохитростной мысли,
Браням слагая хвалу, Пиерийской сирены напевы.

68. Ферекид

И, здоровой мыслью сверкая, стоял Ферекид из Сирова:
был пастухом основ мудрости богобоязненным, очи
ввысь простирает – небеса наблюдал, изучая.

69. Гераклит²²

Был там и муж богоравный, великая слава эфесян,
Древний мудрец Гераклит, что некогда первым о жалкой
Доле смертного рода пролил сострадательно слезы.

70. Кратин²³

Разумом дивный Кратин изваяньем меж них красовался:
На властодержцев афинских, коварных душою мздолюбцев,
Некогда он ополчился грозой в сокрушительных ямбах.
Дал он комедии славу, шутивную музу возвысив.

71. Менандр²⁴

Подле стоял и Менандр, что в Афинах, прекрасных устройством,
Некогда ярко сиял, как звезда комедии новой.
Часто он девичью страсть выводил и лукавые тайны,
Буйство любви и невинности кражу без брака и свадьбы;
Много он ямбов родил на служение милым харитам,
Прелесть украшенной речи с любовной усладой сливая.

72. Амфитрион

Амфитрион же сверкал, не знающий брака, волосы лавром
увенчав, всякому зоркому видится же прорицатель; однако
не прорицателем был: над Тафийцами как знак победы –
многоплетенный венок, прикрепленный на голову, носит
твердый в сраженьях супруг благородный Алкмены.

73. Фукидид

Извиваясь умом, Фукидид предстоял многомудрый, мышленьем –
что в «Истории» были – народа ораторов нрав проявлявший:
гордо правую руку держал, как прежде, воспевавший
Спарты Распрю суровую против потомков Кекропа –
Жнеца, много сжавши Эллады кормильцев.

²² Пер. С.С. Аверинцева.

²³ Пер. С.С. Аверинцева.

²⁴ Пер. С.С. Аверинцева.

74. Геродот

Не избегу же соловья божественного я Галикарнаса –
глубокосведущего Геродота, кто осветил древнейшие известья,
молву о двух материках привел, о вечности ползущей
деяниях молву, девяти Музам посвящая труд свой,
смешав красноречиво Ионийской цветы речи.

75. Пиндар

Фив Огигиевых Геликонский поставлен же лебедь -
Пиндар желанноречивый, кого Аполлон сребролукий
питал от горы Геликон Беотийской, и песне созвучной
его научил: ведь рожденному только младенцу
на звучны уста сели пчелы слетая и соты
с воском и медом создали как мудрой свидетели песни.

76. Ксенофонт

Ксенофон же сиял, щитоносный Афин горожанин,
прежде кто возгласил силу Кира из Ахеменидов,
подражал же Платоновой Музы он звучному нраву -
деянья любящей истории лучшие фрукты сложил он
с лирики каплями любящих бодрствовать пчел.

77. Алкмеон, или Алкман

Стоял же Алкман – прорицателя славного имя,
но был не провидец быковый, на гриве не носит он также
лавр остролистый: я ж Алкмана увидя, считаю, что этот
прежде лиры благозвучающей упражнялся искусству,
Дорийцам прекрасно звучащие песни струнами придумав.

78. Помпей²⁵

Вождь Авсонийский, Помпей, похвалялся славной добычей
Он побежденных исавров, отваге его уступивших:
Грудю мечей исаврийских пятой попирал он, ликуя,
Ибо согнул под рабский ярем строптивую выю
Тавра, смиренного крепкой петлей и тенетами Ники.
Светом явился сей муж человекам! А славное семя
Роду царя Анастасия, равного богу, началом
Было. Сие несомненным явил нам царь непорочный,
Ратью своей умирив племена земли исаврийской.

79. Гомер

Другой же Гомер укреплен, но не вождь красноречья
чудесный Мелета прекрасно текущего сын он, я мыслю,
но тот, кого мать у Фракийского берега рождала –
Моеро – Византия слава, когда ж был ребенком,
питали его героическим словом сведущие Музы:
трагедии мудрому так упражнялся искусству, украсив
стихами Византий родной свой.

80. Вергилий²⁶

Милый земле авсонийской, напев воздымающий лебедь,
Дышащий сладостной песнью Вергилий меж них красовался,
В коем второго Гомера вскормило латинское слово.

²⁵ Пер. С.С. Аверинцева.

²⁶ Пер. С.С. Аверинцева.

«EKPHRASIS» OF CHRISTODOROS COPTIC

N.N. BOLGOV, M.M. SINITSA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

This paper provides the first complete Russian translation of early byzantium poem of Christodoros Coptic (the beginning of the VI C.) «Description (Ekphrasis) statues in the public gymnasium Zeuxippos», included in the Palatin (Greek) anthology as her book II. Work is an important source for the history of early Byzantine cultural synthesis, adaptation of the ancient art in the Christian capital.

Key words: Christodoros, Constantinople, poem, statues, and continuity.